

Интервью официального представителя Следственного комитета России В.И. Маркина еженедельной газете "Аргументы недели"

Вор будет сидеть в тюрьме!

Любопытство, как известно, присуще каждому человеку. Непознанные тайны побуждают в том числе и жизненную активность людей. Особенно те, которые связаны с криминалом и о которых круглосуточно говорят с экранов ТВ и постоянно пишут газеты.

Мы обобщили некоторые наиболее часто встречающиеся в почте «АН» вопросы читателей и попросили руководителя Управления взаимодействия со СМИ Следственного комитета РФ генерал-майора юстиции Владимира МАРКИНА

ответить на них. Ему слово.

- С коррупцией борются столько, сколько существуют деньги. Результат: она побеждает. Может, стоит её разрешить, но обложить прогрессивным налогом? И почему её нет, например, в Сингапуре?

– Если говорить о том, что коррупция там полностью искоренена, то надо принять во внимание, что территория России в 20 тысяч раз превышает территорию Сингапура, а людей у нас почти в 30 раз больше. При этом население страны очень многообразно, а это тоже влияет на коррупцию и не только. Но если рассуждать в целом о проблеме, то есть два способа, как на неё реагировать. Первый – постоянно об этом говорить, строить планы, не желая ничего конкретного. Тогда получается борьба с коррупцией в кавычках. Второй – браться за работу и формировать ту же правовую систему контроля, и прежде всего финансового. Но существенная проблема в том, что нашим западным партнёрам такое наведение порядка невыгодно. Для них утечка финансов в офшоры – это огромная поддержка. Именно поэтому для коррупционеров и жуликов «с Лондону выдачи нет». Я могу привести много примеров, когда не выдают фигурантов, которых мы просим экстрадировать. Это бывший министр финансов Московской области Кузнецов, бывший гендиректор Совкомфлота Скарга. Сколько нам не выдавали Березовского! Это чисто коррупционные дела, и там политики нет.

– Известно, что граждане, не согласные с результатами рассмотрения их жалоб на местах, обращаются лично к Александру Бастрыкину. Говорят, он старается никому не отказывать. А что может заставить следователей «на земле» отмахнуться от детального разбирательства дела? Как сильно административное давление на силовиков?

– Не секрет, что некоторые главы регионов предпринимали попытки «поруководить» следствием. Причём, заметьте, это губернаторы не самых выдающихся по своему социальному и экономическому развитию субъектов России. Слава богу, главы наших территориальных управлений в основе своей профессиональные и опытные руководители и юристы. При возникновении подобных ситуаций они корректно, но в то же время жёстко объясняют, поправляют таких «заблудившихся». Но при острой необходимости из Москвы тоже можем сказать своё слово.

– Что в вашей работе первично: собственная информация или материалы в СМИ? Практикуете ли вы «утечку» информации в СМИ?

– Странный вопрос. Мы опираемся только на свою, проверенную информацию. Но на материалы в СМИ тоже реагируем. В последнем случае наша реакция состоит в том, чтобы разъяснить и распространить достоверную информацию. Самый свежий пример – невероятное количество домыслов, зачастую совсем фантастических, по поводу убийства политика Бориса Немцова. Мне даже пришлось специально выступить с предупреждением для журналистов, что

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

я делаю крайне редко. Если вы хотите узнавать достоверную информацию о расследовании, то она может исходить только из официального источника, который расследует это дело. То есть от Следственного комитета. При этом я подчёркиваю, что не может быть речи о комментариях каждого шага предварительного расследования, ведь на то и существует тайна следствия.

И ещё у многих складывается какое-то предубеждение, что мы якобы специально инициируем вбросы информации в СМИ для неких оперативных целей. Я лично не знаю про какие-то утечки от каких-либо источников. Более того, категорически против этого. Наша основная работа – организовать поток качественной и правдивой информации. И вообще я неоднократно говорил о том, что для меня слова «источник» не существует. Как только вы слышите слова «наш проверенный или достоверный источник», то это с большой долей вероятности человек, вообще не имеющий отношения к следствию, в лучшем случае кто-то из оперативников, которому было доступно лишь одно «стёклышко» крупной сложнейшей мозаики, складывающейся в общую картину. Ну а чаще всего журналисты сами используют такие приёмы, чтобы как-то легализовать обычные слухи.

– Когда президент кого-то освобождает от должности «за утрату доверия», все понимают, что это конечный результат обширной работы большого количества структур и отдельных специалистов. СК РФ тоже привлекается к этому процессу? Нет ли здесь риска оказаться втянутыми в «разборки» политических оппонентов?

– Политические игры – это удел политиков, а не следствия. А если, как вы говорите, по ходу «разборок» не только политических, но и финансовых или просто криминальных кто-то сдаёт правоохранительным органам подельников или конкурентов, это только подспорье нашей работе. Ещё раз замечу, что СК работает с конкретной информацией о преступлениях. Мотивы её происхождения нас не волнуют. Если информация подтверждается в ходе доследственной проверки, тогда возникают реальные уголовные дела. А вот риск быть втянутыми в политические игры может возникнуть только в том случае, если мы вдруг начнём эти самые мотивы различать. Тем более мы прекрасно знаем, что практически все коррупционеры сразу заявляют о политической подоплёке уголовных дел. И это является их главным козырем в давлении на следствие. Понятно, что у всех фигурантов есть те или иные политические взгляды, но если вспомнить изображение Фемиды, то её глаза закрыты. Это означает беспристрастность. И мы так же относимся к таким аспектам.

А вопрос утраты доверия – это вопрос кадровой политики, а не следственных органов. Как правило, это результат общей работы СМИ и гражданского общества. Заметьте, впоследствии фигуранты уголовных дел не всегда увольняются или отстраняются, так же как увольнение не всегда означает последующее уголовное преследование. Бывают прегрешения на грани морального долга. А есть и такие уголовные дела, как в случае с бриллиантовой ручкой сахалинского губернатора, где состав преступления ещё предстоит доказать, а моральный облик уже налицо.

– Генпрокуратура, ФСБ, СК РФ, МВД: задачи у всех примерно одинаковые – бороться с нарушением законов. Методы разные. В работе эта специфика помогает или мешает?

– Задача у всех одинаковая, но дело не в методах. УПК РФ чётко распределил подследственность каждой из названных вами структур. А Генпрокуратура, как известно, надзирает за соблюдением законности при расследовании уголовных дел. У нас подследственность, пожалуй, самая, если так можно выразиться, серьёзная. Это убийства, изнасилования, коррупция, терроризм, преступления против мира и безопасности человечества. Также мы расследуем преступления должностных лиц и спецсубъектов: начиная от главы района и заканчивая судьями, прокурорами и другими высокими государственными должностями. Большая часть этих дел – громкие и резонансные, поэтому вызывают такой интерес у общества и СМИ. В результате создаётся вполне логичное представление, что расследованием уголовных дел занимается по большей части СКР.

Что касается методов, у МВД и ФСБ кроме функций расследования есть оперативно-розыскные полномочия, которых нет у Следственного комитета. Поэтому мы привлекаем их для оперативного сопровождения расследования по нашим уголовным делам. С одной стороны, в этом отношении нам проще, с другой – сложнее. Проще, потому что нет необходимости иметь огромный аппарат сотрудников оперативного состава. А сложность в том, что мы ведь возбуждаем уголовные дела и против тех же оперативников, если они нарушают закон. В таком случае приходится прибегать к помощи другой структуры для оперативного сопровождения.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу, нам доверено расследование уголовных дел и в отношении своих сотрудников, которые преступили закон. И я могу с уверенностью сказать, что здесь нет никакой предвзятости. Мы одинаково относимся ко всем, кто совершил преступление, будь это наш сотрудник или из какой-либо другой структуры. Количество уголовных дел, которое было возбуждено в отношении сотрудников Следственного комитета (17 дел в 2014 году), полностью подтверждает это.

– СК РФ возбуждает много дел по тем фигурантам, кто сбежал из России или никогда не был её гражданином. Есть в СК РФ механизм возврата этих людей?

– В УК РФ закреплены нормы, позволяющие привлекать их к уголовной ответственности. В частности, в статье 12 чётко сказано, что иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в России и даже совершившие преступление за её пределами, подлежат уголовной ответственности по нашему Уголовному кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов России или её граждан, а лица, их совершившие, не были осуждены в другом государстве. Подобная норма, кстати, присутствует в законодательстве практически всех стран. Поэтому «хихиканья» или недоуменные вопросы по этому поводу абсолютно не уместны. Их допускают только юридически неграмотные люди.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Мы же просто реагируем на все подобные случаи нарушения закона против интересов нашей страны и её граждан, а также на факты геноцида. Как вы помните, такие дела возбуждались и ранее, в частности, по событиям, произошедшим в Южной Осетии в 2008 году и вот сейчас по событиям на Украине. А что касается их перспективы, то в настоящее время уже завершены следственные действия по делу Надежды Савченко. Кроме того, продолжается расследование в отношении бойца батальона «Днепр» Сергея Литвинова. По другим делам следователи тщательно собирают, анализируют и фиксируют доказательства, и надеюсь, что рано или поздно эти материалы станут предметом рассмотрения международных судебных инстанций.

И даже если такие процессы состоятся не завтра, сама перспектива стать фигурантом дела должна охлаждать пыл военных преступников. Но вот скепсис к информации о защите русскоязычных граждан относительно недавно был бы понятен, но после решительных действий по защите прав жителей Крыма претензии о пиаре со стороны России странно слышать. Как раз теперь «дежурные» скептики обвиняют нас в излишнем рвении.

– Ваше отношение к депутатской неприкосновенности. Не является ли это правовым атавизмом? Ведь наши депутаты очень далеки от святости.

– Почему только депутаты? Например, те же самые адвокаты тоже далеки от святости, но закон предусматривает для них особые гарантии. При возбуждении таких уголовных дел применяется особый порядок производства наряду с депутатами, судьями, прокурорами и другими. Так, для возбуждения уголовного дела в отношении судьи необходимо согласие соответствующей квалификационной коллегии судей, а в отношении адвоката решение принимается руководителем следственного органа СКР по субъекту Российской Федерации. Поэтому они тоже привлекаются к уголовной ответственности, просто по особой процедуре. Если бы не привлекали, тогда были бы причины для беспокойства в обществе, а так я их не вижу.

– В спорах об отмене моратория на смертную казнь в России какую личную позицию заняли вы?

– Лично я считаю, что пожизненное заключение для убийц – более страшное наказание. По сути, это смертная казнь, растянутая на всю оставшуюся жизнь. Ведь неслучайно террористы предпочитают не сдаваться и быть уничтоженными, чем повторить судьбу того же Радуева. С другой стороны, существующий порядок оставляет шанс невинно осужденным из-за ошибок следствия и суда.

– Не секрет, что практика «разваливания» дел на стадии предварительного расследования существует. Кто или что может заставить следователя «сбавить обороты»?

– Было бы глупо отрицать, что такого не существует. Я сейчас не говорю конкретно о

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Следственном комитете. Действительно, встречаются нечистоплотные на руку следователи и оперативники, которые прибегают к возбуждению уголовного дела для шантажа или берут мзду за «разваливание» уголовных дел. Кстати, недавний пример – дело Сугробова, когда провокация взяток была поставлена на поток. Для того ведь и создавался независимый Следственный комитет, чтобы это явление вообще ушло в прошлое.

Разделение по подследственности, оперативной работе, надзору за следствием также помогает избегать подобных прецедентов. Например, если оперативник приносит следователю материал, не содержащий состава или события преступления, а следователь по тем или иным причинам всё-таки возбуждает уголовное дело, то существует внутриведомственный процессуальный контроль. Он уже на этом этапе позволяет выявить предвзятость в принятии решения. Но даже если такое проходит, существует прокуратура, надзирающая за законностью при принятии подобных решений. Поэтому, что касается Следственного комитета, я могу с уверенностью сказать, что подобное «разваливание» или фабрикация уголовных дел практически исключены.

28 Мая 2015

Адрес страницы: <https://sledcom.ru/press/interview/item/931430>